

Раздался тихий стук шагов.

Разделившись с У Тун, Шэнь Хо не стал возвращаться в свою комнату. Вместо этого он неторопливо побрел по длинному коридору, укутанному алым свечением фонарей из человеческой кожи.

Не случись с ним того, что произошло ранее, прогулка здесь могла бы показаться очаровательным путешествием в прошлое — в усадьбу какого-нибудь древнего знатного рода. Но теперь, после встречи с тварями, свисавшими с потолка, коридор казался Шэнь Хо на редкость зловещим.

Фонари из человеческой кожи мерно покачивались на сквозняке, и огоньки свечей внутри них походили на чьи-то пристальные красные глаза. Резкий порыв ветра пронесся по переходу, обдав его леденящим холодом, пробирающим до самых костей. Пол под ногами блестел чистотой — ни единой пылинки. Эта стерильность казалась неестественной, даже пугающей.

Следы борьбы, оставшиеся после того, как вчера монстры тащили У Тун, бесследно исчезли. Пропал и рассыпанный рис, который опрокинула Ма Си. Вокруг не осталось ничего, кроме бесконечных рядов фонарей из человеческой кожи да старинных портретов на потолке. Сами твари, что цеплялись за балки над головой, тоже куда-то попрятались.

«Похоже, у этих тварей строгий распорядок дня. Днем гостиница живет обычной жизнью, а ночью выползает всякая нечисть»

«Надо же, какие полуночники. И сна ни в одном глазу»

Шэнь Хо мысленно усмехнулся.

Вдруг по его коже пробежал мороз: кто-то наблюдал за ним. Этот взгляд, тяжелый и пристальный, буквально жег затылок. Шэнь Хо резко вскинул голову, но коридор был пуст. Лишь безмолвные лица на потолочных картинах безучастно взирали сверху вниз.

Картины...

Закинув голову, Шэнь Хо принялся разглядывать роспись. Мастер работал маслом, нанося краски густыми, сочными мазками. Цвета были яркими, а лица — на удивление объемными и живыми. Казалось, изображенные на потолке люди вот-вот сойдут с полотна.

Прямо над тем местом, где сейчас стоял Шэнь Хо, была запечатлена сцена какого-то пышного деревенского праздника. Толпа крестьян собралась вместе, на их лицах сияли радостные улыбки. Однако в этой картине крылось нечто жуткое: все до единого жители косились в одну сторону, не сводя напряженных глаз с двери дома.

Почувствовав неладное, Шэнь Хо потер затекшую шею и двинулся дальше, продолжая изучать сюжет. За поворотом повествование на холсте становилось более детальным и живым. Всюду пестрели ленты, горели праздничные огни, на стенах красовались алые иероглифы «двойного счастья». Музыканты неистово били в барабаны и гонги — гулянье шло на всю катушку. Свадьба. Теперь понятно, почему собралась вся деревня.

Шэнь Хо замер. На одном из участков художник не стал изображать людей, уделив все внимание двум огромным алым фонарям из человеческой кожи, висящим у входа. Сейчас один лишь вид этих фонарей из человеческой кожи вызывал у Шэнь Хо внутреннее содрогание. Художник выделил их в отдельную, обособленную композицию, и оттого они казались точной копией тех висячих тварей с потолка.

И тут он заметил еще одну странность. Взгляды крестьян по-прежнему были прикованы к комнате. Ее дверь была выкрашена в густой, кричащий пунцовый цвет. Похоже, живописец накладывал краску слой за слоем: этот тяжелый багровый оттенок навевал удушливое ощущение надвигающейся беды и пролитой крови.

«Зачем они так смотрят на эту комнату? Хотят увидеть невесту?»

«Но ведь свадьба — дело обычное. Зачем разглядывать чужую спальню с таким жадным, пугающим любопытством?»

Шэнь Хо невольно одолевали сомнения.

Вдруг он резко остановился. Дверь, на которую все смотрели, оказалась приоткрыта на ширину ладони. Из узкой щели веяло беспросветным мраком. Хотя нет... Это была не просто темнота. Свет изнутри загораживало что-то живое.

Глаза. Множество глаз. Те, кто прятался внутри, пристально наблюдали за толпой снаружи. Вся щель была усеяна круглыми, немигающими зрачками!

Шэнь Хо похолодел от изумления. Расписать потолок столь жуткой картиной... У автора этого шедевра либо явно не все было дома, либо он отчаянно пытался поведать миру какую-то страшную тайну.

Он двинулся дальше, но сюжеты на потолке становились все более зловещими.

Глухая ночь. Процессия медленно движется по узкой тропе, унося на носилках свадебный паланкин. Лица носильщиков суровы и бледны, а позади угрюмой стеной идут деревенские с факелами в руках. Свадьба под покровом темноты? Новобрачную везут посреди ночи? Знак крайне недобрый.

Вскоре шествие остановилось у холма, смутно напоминающего курган. Шэнь Хо сразу узнал

это место — то самое заброшенное кладбище, где рассеялась недавняя иллюзия. На картине крестьяне грубо выталкивали невесту из паланкина. На ее ногах ярко алели расшитые туфли — цвет их был настолько кричащим, что буквально резал глаза.

Толпа силой повалила девушку на колени, заставив ткнуться лбом в сырую землю. Обряд поклонения небу и земле... Вот только вторым супругом была не живая плоть, а холодная поминальная табличка.

Призрачный брак. Она выходила замуж за покойника.

Следующий рисунок дышал первобытной жестокостью. Селяне заталкивали несчастную в дубовый гроб. Они выкололи ей глаза, а затем принялись вбивать длинные медные гвозди в ее руки, ноги и череп. Захлопнув тяжелую крышку, они намертво заколотили ее такими же штырями и закопали гроб глубоко под землю — прямо под тяжелый постамент каменной статуи, стоявшей у склепа.

Ее замуровали заживо, лишив возможности переродиться и обрекая душу на вечные скитания. Какое изощренное, звериное коварство.

Шэнь Хо тяжело вздохнул. Нарисованная история оставила тяжелый осадок, но вопросов появилось еще больше. На поминальной табличке не было выведено ни единого имени. Вряд ли художник допустил оплошность. Значит, невесту отдали какому-то безымянному, запредельному ужасу?

Выходит, эти люди поклонялись чудовищу как божеству.

«Неужели той жирной твари, похожей на обезьяну, что напала на меня?»

Но ведь то существо — обычный людоед. Вместо того чтобы уничтожить монстра, жители возвели его в ранг богов и приносили дары. Да и сам обряд... Ее заживо заколотили в гробу и закопали под изваянием. Это не призрачный брак. Это человеческое жертвоприношение. Девушка стала подношением для неведомого чудища.

Однако на потолочной росписи голова невесты все еще была на плечах, когда гроб опускали в могилу. Значит, обезглавили ее уже после кончины. Но куда делась голова? Зачем осквернителю могил понадобился череп несчастной? Не для извращенных же утех или темного колдовства?

— Что ты там высматриваешь?

Внезапно раздавшийся из-за спины хриплый, ледяной голос заставил Шэнь Хо вздрогнуть. По спине пробежала волна мурашек. Он мгновенно отпрянул на несколько шагов назад, разрывая дистанцию, и лишь после этого обернулся, чтобы взглянуть на незваного гостя.

— Почему ты еще не спишь? — спросил Шэнь Хо.

На гиде снова красовался соломенный дождевик — совершенно чистый, явно другой.

— Ночь на дворе. Возвращайся в комнату, — безучастно бросил гид и зашагал к лестнице.

Когда они поравнялись, в глаза Шэнь Хо ударил холодный стальной отблеск. На поясе мужчины висело что-то острое, подозрительно напоминающее тесак.

Шэнь Хо проводил его взглядом. Гид спустился в холл и толкнул тяжелые створки парадного входа. На улице бушевал непрекращающийся ливень. Нахлобучив бамбуковую шляпу поглубже, мужчина шагнул прямо под хлещущие потоки воды и мгновенно растворился во тьме.

Глухой стук закрывшейся двери эхом разнесся по пустому зданию.

Стоило проводнику уйти, как воздух вокруг мгновенно остыл. В один миг гостиницу затопил могильный холод, а пламя в бумажных фонарях сменило свой алый цвет на мертвенно-зеленый. Шэнь Хо почувствовал, как пальцы ног сковывает ледяной панцирь. Он сделал шаг, и наросшая на полу изморозь с хрустом треснула под его подошвой, оставив четкий белый отпечаток.

На этот раз он решил спуститься на первый этаж.

Там разместились съемочная группа и технический персонал. Здесь все выглядело куда старее, чем наверху: деревянные полы от многолетней ходьбы истерлись и покрылись грязным лоском, а над дверью каждой комнаты уныло покачивалось по паре огромных багровых фонарей.

у-у-у...

Донесся протяжный, утробный плач.

Шэнь Хо завертел головой и в одной из полуоткрытых комнат справа заметил тусклый красный отблеск расшитых туфель. Он осторожно потянул дверь на себя. Дверные петли издали нутужный, жалобный стон, похожий на предсмертный вздох старика.

Крошечное, узкое помещение правильной квадратной формы совсем не походило на жилую комнату. Оно куда больше напоминало тесный деревянный гроб.

В этот момент объектив закрепленной на плече Шэнь Хо камеры мелко задрожал, выдавая помехи. В чате трансляции тем временем привычно бесчинствовали хейтеры, исходя желчью. Лишь единицы пытались вести трезвый диалог.

— Почему эта комната так похожа на гроб?

— Тоже сразу про домовину подумал. Четыре угла, теснотища — чистый ящик для покойника.

— Слушайте, а декорации-то классные, жуть берет. Особенно картины на потолке. Как живые нарисованы, аж мурашки по коже!

— Проводник вообще инфарктный тип. Появился из ниоткуда, прохрипел что-то... Я от испуга последнее яйцо со стола уронил!

— Хейтер: Шэнь Хо, да чтоб ты, сука, @#%&*#...

Шэнь Хо шагнул через порог, и дорогу ему преградило белое полотнище. Стоило ему отодвинуть плотную ткань, как у любого нормального человека перехватило бы дыхание от увиденного.

Зрители на стриме — и преданные фанаты, и брызжущие ядом хейтеры — мгновенно притихли. Чат замер на целые полминуты.

— Господи, это что... поминальная табличка?

— Шэнь Хо, подойди ближе! Ничерта не видно, что там на алтаре?

— У меня зрение сто процентов, сейчас разгляжу! Наверху лежит... мамочки!!!

— Эй, ну что там? Ты куда пропал-то? Живой?

— Ребят, я вернулся. Короче, новость так себе: там стоят туфли! Обычные китайские расшитые туфли! Какому шизику придет в голову поклоняться обуви?!

Подойдя ближе, Шэнь Хо и сам убедился в догадке зрителей. На алтаре действительно покоилась пара изящных расшитых туфель искусной работы. Они казались Шэнь Хо до боли знакомыми — точь-в-точь как те, что носила безголовая невеста-призрак и что были изображены на потолке. Обувь стояла в окружении подношений, перед ней курились благовония.

Тонкие струйки сизого дыма лениво поднимались к потолку, наполняя комнату резким, удушливым запахом воска и сандала. Свечи оплыли совсем немного. Тот, кто зажег их, ушел отсюда буквально несколько минут назад.

«Зачем ему поклоняться той, что приняла столь мученическую смерть?»

«Пытается заглушить вину? Или вымаливает прощение?»

«Кем он приходится этой безголовой невесте?»

Пока его одолевали сомнения, истинная хозяйка обуви соткалась из воздуха прямо за его плечом.

Бледная кисть с длинными, выкрашенными в алый цвет ногтями тяжело опустилась на плечо юноши. По комнате пронесся ледяной вихрь, мгновенно задув поминальные свечи. Белые полотна взвились вверх, и в этом безумном вихре ткани ослепительным, кровавым пятном горело лишь одно — подвенечное платье призрака.

Вдруг пол под его ногами разверзся, и не успевший среагировать Шэнь Хо полетел в глухую, бездонную пустоту.

Теряя равновесие, он уловил доносящийся издалека оглушительный рев труб и грохот барабанов. Сквозь пелену перед глазами замелькали алые иероглифы «двойного счастья» и покачивающиеся бумажные фонари. Казалось, он очутился в глухой, затерянной среди лесов деревушке, наполненной запахами сырой земли, дыма и гомоном пьяной толпы.

Оглядевшись, Шэнь Хо изумленно распахнул глаза.

«Где я?..»

Зрители, только что бурно обсуждавшие ритуальные туфли, застыли перед погасшими мониторами. Экран трансляции оставался темным несколько минут, а затем картинка вновь дернулась, явив взору убранное по-праздничному, залитое багровым светом место. Динамики тут же взорвались неистовым свадебным маршем.

Вокруг шумела разудалая деревенская свадьба.

Всюду теснились покосившиеся глинобитные мазанки с крытыми соломой крышами. Крестьяне щеголяли в простецких холщовых рубахах — на некоторых лохмотьях можно было отчетливо разглядеть грубые, наспех сделанные заплатки. Сам Шэнь Хо каким-то образом оказался посреди этой толпы. На нем тоже красовалась потрепанная одежда, а на голове красовался нелепый, дешевый картуз.

— Сяо Шэнь-гэ, и ты пришел!

Перед ним стояла скромная девушка в очках, похожая на городскую студентку. Две ее толстые черные косы покачивались на груди. Она смотрела на него с нескрываемым смущением, робко теребя край блузки.

Пока Шэнь Хо лихорадочно соображал, что ответить, к нему подвалил в стельку пьяный мужик и бесцеремонно потащил в сторону деревенских музыкантов, увлеченно дувших в свои дудки. Шэнь Хо случайно оглянулся и заметил, как на лице милой барышни с косами на мгновение проступила ядовитая, уродливая зависть.

— Сяо Шэнь! — зычно крикнул захмелевший мужик. — Поговаривают, ты мастак на дуде играть! Нынче день радостный, сыграй-ка нам что-нибудь веселое. Покажи, чему там в городе за эти годы выучился!

Окружившие их крестьяне дружно загалдели, поддакивая и наперебой суя ему свои инструменты.

— Да я не... — начал было Шэнь Хо.

Договорить ему не дали. Гул мгновенно стих. Деревня погрузилась в мертвую, звенящую тишину. Сотни глаз уставились на юношу — зрачки их закатились так высоко, что наружу выступали лишь мутно-белые белки.

Стоящий рядом пьяный мужик расплылся в жуткой, неестественно широкой улыбке.

— Ты не хочешь играть? — вкрадчиво переспросил он.

От его тона веяло могильным хладом. Всем своим видом толпа безмолвно обещала: «Откажешься — и мы сдерем с тебя шкуру заживо».

Шэнь Хо обреченно вздохнул.

— Ну ладно, сыграю что-нибудь простенькое.

Пространство тут же вновь взорвалось праздничным шумом, а на лицах крестьян вернулись привычные добродушные улыбки.

— Во-во! Настоящий мастер таланты в землю не зарывает! Мы ж не воры какие, чтобы твое ремесло красть!

— Дай хоть поглядеть, чему там за рекой учат. Неужто за пределами общины и впрямь жизнь слаще?

— Да брешут все! Наша Деревня Сафора все равно лучше всех!

Шэнь Хо неторопливо провел рукой по разложенным на столе инструментам. Его пальцы

замерли на традиционной соне — дудке, про которую в народе говорили: «Мала трубка, да голосиста, один выдох — и весь мир у твоих ног». Настоящий хулиган в мире музыки.

Шэнь Хо изящным движением поднес инструмент к губам. Его осанка и уверенные жесты приковали к себе восхищенные взгляды толпы. Но стоило ему сделать первый выдох...

Фью-и-и-и-и-ить!!!

Звук соны, резкий и пронзительный, разорвал облака и сокрушил скалы. Казалось, на деревню с диким ревом обрушилась лавина или налетела яростная конница, сметающая все на своем пути.

Крестьяне застыли на месте с разинутыми ртами.

<http://bllate.org/book/19659/2002995>